

**Чувствуя революцию: эмоциональный режим
каторжных тюрем Российской империи
в развитии коммуникации протеста***

Антон Лаптев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**Feeling the Revolution: The Emotional Regime
of Russian Empire's Penitentiaries in the Development
of Protest Communication****

Anton Laptev

HSE University,
Moscow, Russia

This article examines the problem of the special emotional regime of hard labour prisons in the Russian Empire in the early twentieth century in the context of the social construction of emotions characteristic of a revolutionary community. The paper aims to identify the determinants of the success of the revolutionary movement in the events of 1917. The author focuses on the mechanisms of communication of political prisoners and the role of the emotional component in the formation of a stable system of social interaction in a revolutionary environment. Employing the methodology of the history of emotions and comparative analysis, the author studies both previously known historical sources (letters of F. E. Dzerzhinsky) and archival materials (perustration of letters from prisoners of the Smolensk convict prison) which have not been studied before. The article demonstrates how the special conditions of imprisonment shaped the emotional

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

** *Citation*: Laptev, A. (2023). Feeling the Revolution: The Emotional Regime of Russian Empire's Penitentiaries in the Development of Protest Communication. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 1. P. 73–87. DOI 10.15826/qr.2023.1.776.

Цитирование: Laptev A. Feeling the Revolution: The Emotional Regime of Russian Empire's Penitentiaries in the Development of Protest Communication // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 1. P. 73–87. DOI 10.15826/qr.2023.1.776 / *Лаптев А.* Чувствуя революцию: эмоциональный режим каторжных тюрем Российской империи в развитии коммуникации протеста // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 1. С. 73–87. DOI 10.15826/qr.2023.1.776.

regime of hard labour prisons and contributed to the formation of a revolutionary community. With classical communication mechanisms limited, prisoners developed alternative means of communication. Also, the author pays special attention to the peculiarities of the written language of political prisoners and its evolution in conditions of hard labour and interaction with the criminal environment. The main results of the study are related to the term “emotional code” as a characteristic communication mechanism (“friend or foe” system) within a revolutionary community. In the context of the social processes of the beginning of the century, the opposition to the growing social melancholy on the part of the revolutionary community stands out. It was not only able to build communication mechanisms that were reliable and closed to external analysis based on similar emotional patterns but also used emotional constructions for agitation and propaganda in the public environment. Specific images of the future and the positive emotions associated with it have become a constructive alternative to the negative phenomena that prevail in the public consciousness during the last years of the empire’s existence. The main “weapon” of the revolutionary community in 1917, along with propaganda, was empathy, highly developed emotional intelligence, and the ability to accurately capture the emotions of one’s surroundings. The article concludes that labour prisons were “laboratories of emotions” which played a significant role in the crystallisation of the revolutionary community and the formation of its mobilisation potential.

Keywords: hard labour prison, F. Dzerzhinsky, 20th-century Russia, revolutionary movement, communication, ego-documents, emotiveness

Исследуется проблема эмоционального режима каторжных тюрем в Российской империи начала XX в. в контексте социального конструирования эмоций, характерных для революционного сообщества. Цель – выявить детерминанты успеха революционного движения в событиях 1917 г. Главное внимание уделено механизмам коммуникации политических заключенных и роли эмоциональной составляющей в становлении устойчивой системы социального взаимодействия в революционной среде. Через методологию истории эмоций и компаративный анализ проводится исследование как ранее известных исторических источников (писем Ф. Э. Дзержинского), так и впервые вводимых в научный оборот архивных материалов (писем заключенных смоленской каторжной тюрьмы). Особые условия заключения сформировали эмоциональный режим каторжных тюрем, что способствовало становлению революционного сообщества. В условиях ограничения классических коммуникационных механизмов происходило развитие альтернативных средств связи и общения среди арестантов. Отдельное внимание уделено особенностям письменного языка политических заключенных, его эволюции в условиях каторги и взаимодействию с уголовной средой. Основные результаты связаны с понятием «эмоционального шифра» как характерного коммуникационного механизма (системы «свой – чужой») внутри революционного сообщества. В контексте общественных процессов начала века выделяется противопоставление революционного сообщества нарастающей общественной меланхолии. Революционеры

смогли выстроить надежные и закрытые от внешнего анализа механизмы коммуникации, основанные на схожих эмоциональных паттернах, и продуктивно использовать эмоциональные конструкции для агитации и пропаганды в общественной среде. Конкретные образы будущего и связанные с ним положительные эмоции стали конструктивной альтернативой негативным явлениям, доминировавшим в общественном сознании последних лет существования империи. Основным «оружием» революционного сообщества в 1917 г. наряду с пропагандой выступали эмпатия, развитый эмоциональный интеллект и способность точно фиксировать эмоции своего окружения. Сделан вывод о роли каторжных тюрем как «лабораторий эмоций», сыгравших важную роль в кристаллизации революционного общества и формировании его мобилизационного потенциала.

Ключевые слова: каторжная тюрьма, Ф. Дзержинский, Россия начала XX в., революционное движение, коммуникация, эго-документы, эмотивность

Российская империя начала XX в. сочетала в себе достаточно противоречивые тенденции. Бурное развитие всех основных сфер жизни приводило к кардинальным преобразованиям в политической сфере, развитию публичного пространства. Одни из самых высоких темпов экономического роста в мире, развитие научных центров и формирование современной банковской системы представляют Российскую империю как способное к жизни и прогрессивное государство. Вместе с тем существовала и определенная «асинхронность» в развитии страны, важнейшим фактором которой выступала «общественная мысль, генерируемая микроскопической по численности и оппозиционной по направленности общественностью» [Российская империя между реформами и революциями, с. 13]. Именно мыслящая публика в XX в. становилась главным актором в эволюционном развитии империи, а микроскопические сообщества играли ключевую роль в выборе путей развития всего российского общества. Но каким образом осуществлялось это влияние? Одним из направлений такого воздействия выступал процесс конструирования общественного климата в империи. В этом контексте немаловажными факторами являлись эмоциональный режим российского общества и его трансформация в условиях назревавшего «кризиса роста»¹.

Кадет и депутат I Государственной думы С. А. Котляревский в письме своей жене описывает настроения членов Думы в 1907 г. как в большинстве своем пессимистичные и тяжелые [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 169. Л. 65]. Служащий канцелярии Государственной думы Г. А. Алексеев пишет о том, что в Думе послереволюционного периода «царит самое тяжелое и угнетенное настроение» [Там же. Д. 185. Л. 93]. Его письма достаточно часто содержат пессимистичные фор-

¹ М. Стейнберг говорит о серьезной озабоченности разнообразных общественных групп в России тревожным ощущением, характерным для эпохи, и о поиске причин этого эмоционального кризиса, а также его решений [Stainberg].

мулировки, которые объединены единым мотивом мрачного взгляда на будущее.

Начало Первой мировой войны, которое классически описывается как время общественного подъема, социальной мобилизации и всеобщей сплоченности, по-иному воспринимается со стороны ряда политических деятелей. Так, С. Д. Сазонов в письме к своей жене с нескрываемым пессимизмом задается вопросом, надолго ли хватит единодушия, сплотившего Россию [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1238]. Члены различных думских фракций также разделяли этот общественный пессимизм. Политический деятель и член «Союза 17 октября» К. Э. Линдеман говорит о разочаровании в самом российском обществе:

Крупные перемены в Петрограде (письмо написано 8 июля 1915 г. – А. Л.) дают надежды на лучшее будущее. Но все-таки не верится в него. Очень уж плох материал, из которого состоит наше общество [Там же. Д. 1020. Л. 880; Д. 1025. Л. 318].

Именно такие негативные эмоции транслировались в общественную мысль того периода со стороны российских политических сил.

В контексте влияния на коллективную общественную психологию исследования истории эмоционального режима в России начала XX в. отводят второстепенную роль эмоциональному полю революционного сообщества. Именно крайне революционные внесистемные силы сыграли решающую роль в событиях 1917 г. Депутат Государственной думы М. В. Челноков достаточно точно описывал трансформацию баланса сил в российском обществе: «страна полеveled. Страна требует. Страна придет. Народ возьмет...» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 988. Л. 716]. Пророческое по своей сути высказывание Челнокова никак не встраивается в понятие «меланхолия» и заставляет задуматься о формировании альтернативного «революционного» эмоционального режима в России начала XX в.

Оптика истории эмоций революционного движения требует понимания того, имел ли эмоциональный режим свою специфику. В контексте этого вопроса ключевую роль играют каторжные тюрьмы. Эти элементы имперской пенитенциарной системы были неразрывно связаны с образом радикального революционера, в особенности после поражения Первой русской революции, когда большое количество членов нелегальных революционных организаций либо ждало приговора, либо непосредственно отбывало наказание в этих учреждениях. За рамками статьи остается географическое или типологическое деление каторжных тюрем на европейские, сибирские или дальневосточные, а также выделение понятия каторги, устойчиво связанного с топомосом «Сибирь». Понимание того эмоционального режима, в котором существовало революционное сообщество, может быть получено с помощью анализа эмоций политических заключенных каторжных тюрем именно как единого социального простран-

ства, до известной степени изолированного от остального общества. Анализ эмоциональных реакций и рефлексии дается на материале дневников известных революционеров, а также писем рядовых политических заключенных.

Что представлял из себя быт политического заключенного в каторжной тюрьме? Обычная камера выглядела как небольшое помещение, где имелись деревянный стол, одна-две скамейки для сидения, деревянные нары с суконным одеялом, подстилкой и подушки, набитой соломой:

Грязный каменный пол; грязная дверь; выкрашенный в желтый цвет стол и оконная рама; серые, запыленные в синих и белых пятнах стены; потолок, как крышка гроба [Дзержинский, с. 137].

Существовавшие в начале XX в. нормы устанавливали нормальное «кубическое содержание воздуха» на одного заключенного в размере не менее 1,14 куб. сажени². Закономерно, что и такой незначительный норматив повсеместно нарушался. Так, в Александровской тюрьме на о. Сахалин на одного арестанта в начале века приходилось вдвое меньше от минимальной нормы: от 0,48 до 0,58 куб. сажени воздуха, или около 5,5 м³ в современном представлении [Сахалинская каторга, с. 158]. Заключенные фактически «сидели друг у друга на головах». Вместе с тем для временных каторжных тюрем Европейской России, в которых политические преступники содержались в период следствия и ожидания ссылки, было характерно одиночное или попарное заключение. В качестве «развлечений» для политических заключенных выступали прогулки в тюремном дворе, свидания с близкими родственниками и адвокатом, а также написание писем и негласное общение между собой³.

По общим правилам политические заключенные до окончания следствия содержались в одиночных камерах, но эти правила нередко нарушались из-за массовых арестов после революции 1905–1907 гг. При этом политические заключенные содержались отдельно от общеуголовных арестантов. Это было вызвано тем, что они оказывали «дурное» влияние на «уголовных» и нередко подстрекали последних к неповиновению и нарушению дисциплины. Представители уголовной субкультуры как менее сплоченная группа поддавались влиянию «политических» и нередко поддерживали последних в различных протестах и бойкотах [Акбердеева, с. 73].

² Этот объем приблизительно соответствует 11 м³.

³ Негласные письма, которыми пользовались политические заключенные, назывались «ксивы». В каторжных тюрьмах использовались различные ухищрения для передачи такой корреспонденции: помощь со стороны сочувствующих революционным идеям конвоиров и жандармов, «закладки» корреспонденции в местах отправления естественных надобностей и в помывочных, использование веревочных «мостов» между камерами через оконные проемы и даже сверление для этих целей отверстий в стенах между камерами, которые заключенные называли телефонами.

Понимание эмоциональной картины политических заключенных и того, как они артикулировали рефлексию, складывается из представления о механизмах выражения эмоций и формах коммуникации в изолированном сообществе. Специфика имперской пенитенциарной системы заключалась в том, что она была выстроена на принципах максимальной изоляции «опасных» революционных элементов. Феномен каторги подразумевал максимальное отдаление неблагонадежных лиц от общественной жизни. Такие меры, как высылка в отдаленные губернии или определение в каторжные тюрьмы Европейской России⁴, Сибири или Дальнего Востока, ставили своей целью не только «исправление» осужденного, но и изоляцию конкретного революционного элемента, «извлечение» человека из революционной среды. Именно лишение возможности коммуникации выступает отличительной особенностью содержания политических заключенных в каторжных тюрьмах.

Живое общение между заключенными в европейских централах было сведено к минимуму: оно было возможным лишь во время прогулок в тюремном дворе или во время помывочного дня раз в две недели. Такие условия толкали заключенных к поиску новых каналов коммуникации, основными из которых выступали перестукивания. В условиях каторжной тюрьмы арестанты использовали шифр Морзе и с помощью ударов по стене могли передавать сообщения своим соседям.

Удивительно, но такая коммуникация давала возможность не только «горизонтальной», но и «вертикальной» связи: для этого использовались предметы, которые заключенный с определенным интервалом бросал в потолок камеры, чтобы «простучать» необходимое сообщение. Для того, чтобы поздороваться и узнать своих «соседей сверху», Ф. Э. Дзержинский, например, использовал в качестве инструмента негласной коммуникации сапог. Интересно не только то, насколько быстро и эффективно заключенные осваивали этот метод коммуникации, но и то, что он позволял им общаться на эмоциональном уровне: выражать свои чувства собеседнику, воспринимать его переживания и проявлять эмпатию. В этом случае обычные удары по стене могли заключать в себе сообщения, содержавшие такие эмоции, как гнев, радость, печаль и страх⁵. Дзержинский, который в совершенстве овладел этим инструментом коммуникации, описывает, что чувствует страх собеседника через постукивания: «рядом со мной мальчик постучал мне, что он не трус, но не хочет погибнуть... я чувствую по тому, как он стучит, что творится в его душе»

⁴ В 1893 г. в Европейской России были упразднены последние каторжные тюрьмы, но в годы Первой русской революции ряд тюремных учреждений был преобразован во временные каторжные тюрьмы или «каторжные централа». В частности, такие учреждения появились в Смоленской, Херсонской, Московской, Ярославской, Орловской губерниях.

⁵ Перечень основополагающих эмоций взят из теории базовых эмоций Пола Экмана, несмотря на то, что она вступает в противоречие с теорией социального конструирования эмоций [см.: Экман].

[Дзержинский, с. 131]. Описание невербальной передачи эмоции гнева также заключено в характере ударов по стене: «я простучал Ганке⁶, что сержусь на нее за то, что она из-за пустяков подвергает себя оскорблениям. Она ответила, что больше не будет... она еще ребенок...» [Там же].

Характер постукиваний мог как напрямую передавать эмоциональное состояние собеседника, так и косвенно указывать на него. Продолжая писать о своей «соседке», Дзержинский пишет о страхе, который она переживает, несмотря на противоположные заверения девушки:

Рядом со мной сидит восемнадцатилетняя работница, арестованная четыре месяца тому назад. Поет. Ей разрешают петь. <...> ...Стучит мне, чтобы я прислал ей веревку, что она повесится. Она так нервно и с нетерпением стучит, что почти ничего нельзя понять [Там же, с. 133].

Именно через нервозность постукиваний Дзержинский приходит к выводу о том, что его собеседница старается скрыть испытываемый ею страх [Там же, с. 133]. Это свидетельствует о том, что невербальные методы коммуникации были повсеместно распространены в революционной среде. Ими владели как профессиональные революционеры, так и их молодые соратники. Наряду с перестукиваниями политическими заключенными была выработана целая система условных знаков и сигналов. При постоянном запрете разговоров заключенными использовались самые замысловатые приемы коммуникации: покашливание в тюремном коридоре, пение и посвистывание в камерах, а также металлический лязг и постукивания кандалами.

Возможность передавать невербальные послания с включенными в них эмоциями, а также наличие эмпатии у получателя сообщения с возможностью описания чувств и эмоций незримого собеседника лишь по характеру ударов говорят о развитом эмоциональном интеллекте политических заключенных в каторжных тюрьмах. Такая характеристика не была уникальной, а рождалась из условий существования заключенного в каторжном центре. В искусственно создававшейся ситуации, когда существовал «вербальный запрет» на общение между заключенными со стороны тюремного начальства, происходило формирование новых каналов коммуникации, выстроенных на более полном и глубоком анализе получаемой и транслируемой информации – не только конструирование или осмысление семантики сообщения, но и формирование эмоционального образа лишь по ограниченному количеству данных.

Процессы трансфера эмоций прослеживаются даже в условиях индивидуальной изоляции их носителя, выявляется формирование

⁶ Восемнадцатилетняя девушка-работница, арестованная по подозрению в причастности к революционной деятельности.

их социальной роли. Наряду с индивидуальными эмоциями происходило становление коллективных эмоций заключенных каторжных тюрем. Даже в условиях заключения и запрета на классические формы коммуникации «местонахождение» эмоций не определялось фигурой отдельного заключенного, они фиксировались во времени и пространстве, выходя за пределы каждого отдельного индивида. Без этого факта нельзя было бы говорить, что в едином пространстве каторжных тюрем происходило формирование особого «революционного» эмоционального режима.

Наряду с невербальными каналами коммуникации существовал иной способ для общения в среде заключенных – негласные письма, или «ксивы». Это более классическая форма коммуникации. Письма использовались для обмена новостями, обсуждения личных проблем и планов на будущее и не должны были быть прочитаны сторонним наблюдателем. Благодаря материалам перлюстрации смоленской каторжной тюрьмы за 1907–1909 гг. возможно взглянуть на то, о чем общались революционеры сразу после поражения революции, как они думали и какие эмоции испытывали [ГАСО. Ф. 404. Оп. 1. Д. 631]⁷. В ряде исследований отмечается некоторая искусственность эмоций, описываемых революционерами в своих мемуарах и дневниках [Сафронова, с. 166–184], поэтому столь необходимо обратиться именно к тайным письмам. Использование источника, не предназначенного для публичного прочтения, позволяет оценить устойчивость изучаемого эмоционального режима как каторжной тюрьмы, так и революционной среды в целом. Тайные письма заключенных, которые удалось перехватить и скопировать жандармским офицерам, помогают понять образ мира их авторов и его соотношение с общественными настроениями того периода, а также дают возможность ответить на вопрос, в каком эмоциональном режиме существовало революционное сообщество.

Используемый в перлюстрированных письмах стиль говорит о высоком образовательном уровне авторов писем, которые поддерживали нелегальную коммуникацию. Большинство текстов имеют сложную структуру повествования, богатую лексику, содержат слова и выражения на иностранных языках, а также отражают изобилие интересов арестантов.

Обычно обращение в начале текста выступало максимально ритуализированной формой коммуникации, указывающей на степень близости между заключенными. Так, обращения «товарищ» и «дорогой друг» повсеместно встречаются в каждом перлюстрированном письме. В случае использования обращения «уважаемый» это указывало на определенное недоверие и конфликтную ситуацию, которая описывалась далее по тексту письма. Один из авторов писем, Лишнев-

⁷ Материалы дела содержат более 60 перлюстрированных писем смоленских каторжан.

ский, сокрушаясь по поводу того, что его предыдущее письмо не было доставлено по назначению, пишет своему другу-заключенному:

Я вам послал несколько дней назад «цидульку»⁸, но от вас ответа не было. Я думаю, может быть, «соупісир» занес по безграмотности в другое место, что с ним часто случается [ГАСО. Ф. 404. Оп. 1. Д. 631. Л. 4].

В данном контексте под консультантом Лишнеvский имел в виду доверенного конвоира, который должен был доставить тайное письмо. Еще один политический заключенный, Быковский, со злостью обращается в письме к другому арестанту-революционеру, к которому попал его сборник стихов:

Куклин! Избавь мои стихи от поправок! И без тебя знаю, что тебе дали 45 дней одиночки, но пойми, у меня головка получше твоей будет, а в исправлениях нет красоты слога, нет размера, и утрачивается рифма, и это будет уже не стихотворение, а просто разговор [Там же. Л. 11].

Такие замечания сложно увязываются с образом заключенного, если не знать, что те самые 45 дней одиночной камеры были получены за убийство сокамерника, который работал негласным агентом охраны. В момент, когда Куклин правил стихи Быковского, он ожидал смертного приговора.

Язык писем политических заключенных прошел определенную эволюцию. Несмотря на разделение арестантов на политических и общеуголовных, их взаимную неприязнь, произошло некоторое слияние их языков. В революционной риторике этих писем возможно проследить использование уголовного жаргона и заимствование специализированных выражений уголовной субкультуры. Вместе с тем в тексте возможно встретить использование слов, цитат и общеупотребительных выражений на иностранных языках. Наиболее часто использовались французский, немецкий и польский языки. Сочетание таких несовместимых вещей в одном письме, как цитаты на французском и уголовный лексикон, выглядит действительно удивительно. В ряде писем вступление к письму начинается с обращения к оппоненту «*mon chér*», а несколькими строками ниже автор указывает, что по выходу из тюрьмы обязательно «сложит обратняка», то есть обещает убить бывшего каторжника, подозреваемого в сотрудничестве с жандармами и предательстве.

Прежде всего тексты писем повсеместно отличаются отсутствием выражения эмоции страха перед смертью. Лишнеvский, приобретший в заключении проблемы со здоровьем⁹, в одном из своих писем

⁸ Жаргонное название небольшой бумажки с записями, передаваемой между арестантами.

⁹ По указаниям тюремного надзирателя каторжной тюрьмы Лишнеvского неоднократно избивали на допросах.

конца 1907 г. выражает полное отсутствие эмоции страха и даже пишет о чувстве радости:

Я уже более половины в могиле и даже радуюсь этому и могу только сказать – простите, товарищи, что я могу для вас всех только одну жизнь принести в жертву [ГАСО. Ф. 404. Оп. 1. Д. 631. Л. 13].

Говоря о жертвенности, автор письма подразумевает организацию покушения на тюремного инспектора, проявлявшего особую жестокость к политическим заключенным. В каторжных тюрьмах были распространены избиения, нарушения прав заключенных и «бессмысленные издевательства» со стороны представителей тюремных властей. Образ смоленского тюремного инспектора наряду с описанием его жестокости через термины «палач» и «кровопийца» иронично включает в себя его официальное прозвище в революционной среде – «либерал». Были и более красноречивые образы: «комиссия прибудет после того, как уйдет наш *возлюбленный*» [Там же. Л. 41]. Рефлексируя о собственных эмоциях, один из заключенных задается в письме вопросом, должно ли быть ему страшно, что его хотят отправить в Шлиссельбург. По его заверению, он не испытывал каких-либо эмоций, а такая новость была встречена им равнодушно. В пространстве каторжной тюрьмы такая классическая эмоциональная реакция на угрозу смерти, как страх, видоизменялась и замещалась чувством равнодушия или даже более положительными психологическими состояниями. Нечто подобное описывает в своих воспоминаниях и Дзержинский, приводя отрывки из последних писем революционера Монтвилла, например:

...Хотя всякая казнь вызывает отвращение, всякая петля, накинутая на мою шею, имела бы очень большое положительное значение... я в очень хорошем настроении и чувствую себя немного лучше [цит. по: Дзержинский, с. 207].

Одним из основных мотивов тайных писем выступает фиксирование гнева и чувства злости. Но такие реакции в большинстве своем находили свою причину в бездействии других революционеров, находившихся в каторжной тюрьме. Один из заключенных выражает гнев к своему сокамернику за нежелание обсудить покушение на тюремного инспектора:

...Этот парень своими руками 12 человек, я знаю, убил, а тут боится такого разговору, к чему это причислить, я не знаю, или к малодушию, или к трусости, скорее к последнему [ГАСО. Ф. 404. Оп. 1. Д. 631. Л. 9].

В среде заключенных особое место занимали революционеры, которые были приговорены к бессрочной каторге, или «вечняки». Бездей-

ствие таких лиц сразу же становилось причиной проявления гнева. Один из революционеров пишет:

Относительно вечняков... они дураки и трусы, если не сказать больше. Боятся сбросить наручники и этим дают право их узаконить. Я несколько наручников разбил и сидел в камере на карцерном положении [Там же. Л. 22].

В других письмах повсеместным источником гнева и злости выступает чувство уныния у «вечняков». Они должны «быть по каторге вожаками, а они ни более ни менее сидят как дураки и трусы» [Там же. Л. 23]. Политические заключенные каторжных тюрем в определенной степени испытывали одинаковые чувства гнева по отношению к своим соратникам, проявившим малодушие или слабость, а также трусость и уныние. Именно эти чувства становились объектом коллективного осуждения и презрения. Такие качества предавались порицанию и вызывали гнев в среде наиболее революционных групп. Так, в рядах подпольных революционеров описанные качества объединялись в термин «недостаточная закаленность для политической борьбы» и вызывали схожую с фактом предательства эмоциональную реакцию стыда и злости.

Вместе с проявлением эмоций тайные письма изобилуют описаниями проявлений честности и чувства справедливости, нравственных качеств, которые были распространены не только на пространстве каторжных тюрем¹⁰. Именно чувство справедливости выступает движущим мотивом и объяснением причин незаконных действий со стороны заключенных и совершения ими преступлений. Например, убийство в нелегальном революционном сообществе не являлось порицаемым деянием, если убитый был осведомителем охраны или провокатором. Говоря о совершенном в 1905 г. преступлении, один из заключенных описывает это так:

Он погром учредил в Киеве с провокационной целью. Знамя порвал и взбунтовал членов правопорядка. И сколько там невинных жертв? Он и насильничал 12 лет девочку, держал ее три дня, а потом убил. В ночь перед его убийством я обдумал еще раз, и я признал, что поступок этот честный и добросовестный.

Честность и добросовестность поступка выступали определенной «индульгенцией». Вместе с тем этот факт должен был быть признан со стороны других заключенных, чтобы произошла его своеобразная легитимизация.

¹⁰ Например, ссыльный Николай Лузин, доведенный до отчаяния невыносимыми условиями тюрьмы, в феврале 1902 г. совершил покушение на верхоянского исправника. Объясняя свой поступок, он говорил, что действовал, подчиняясь лишь голосу справедливости.

Коллективное решение выступало финальной стадией для определения характеристики того или иного поступка политического заключенного. Информация о своих действиях считалось обязательной к распространению в среде товарищей. «Я сам никогда от товарищей ничего не таю, а потому с таким жить не стану, у которого есть тайны», – описывает одну из конфликтных ситуаций заключенный. Пространство каторжной тюрьмы и сложившийся эмоциональный режим требовали от заключенных проявления честности и открытости по отношению к друг другу. Данная информация тщательным образом скрывалась от посторонних. Заключенные использовали шифры или неточные описания событий, если не были уверены, что их переписка может стать достоянием жандармов.

Для политических заключенных в большей степени охранники, конвоиры и жандармы становились теми лицами, которые конструировали и составляли образ внешнего мира. Какие чувства фиксировались по отношению к ним со стороны заключенных?

Роль палачей возложена на этих солдат и жандармов, ради блага которых закованные и совершили преступления. <...> Они привыкли, но не понимают, что отнимают у заключенных; ведь условия их собственной жизни не позволяют им почувствовать красоту мира [Дзержинский, с. 128].

В разговоре с солдатом из конвоя Дзержинский описывает те эмоции, которые тот испытывает в настоящий момент: «на вид печальный, удрученный, он караулил нас». Продолжая описание переживаний солдата, он говорит о конвоирах как «прячущих глубоко в душе ужасную ненависть». Деля обобщающее заключение такого наблюдения, он продолжает: «я чувствую, что теперь народ остался одиноким» [Там же, с. 144]. Благодаря своим навыкам Дзержинский без труда считывал те эмоции, которые испытывали жандармы.

Вместе с тем рядовые надзиратели также могли стать предметом обсуждения и описываемых эмоций гнева и злости. Это происходило в том случае, если заключенным становилось известно о жестокости, которую они проявляли по отношению к политическим заключенным по своей воле. Так, смоленский тюремный инспектор намеренно перевел в каторжную тюрьму двух «отличившихся» надзирателей, которые должны были оказывать воздействие на арестантов, что сразу же было передано по тюремным каналам коммуникации:

...Это парочка гнедых: одна рябая, а другая здоровая¹¹. Все им не так, они гордятся тем, что рябой забил до смерти в г. Ельне арестанта Голубева, его и сюда за то перевели, ну и, понимаешь, все пристают... хотят и здесь отличиться т. е. убить кого-либо [ГАСО. Ф. 404. Оп. 1. Д. 631. Л. 15].

¹¹ Служащих каторжной тюрьмы, которые особенно жестоко поступали с арестантами, заключенные называли собаками. Здесь это особенно подчеркивается через придание «масти» одному из конвоиров.

Некоторые из политических заключенных после таких новостей сразу предложили свести с ними счеты.

Коллективные чувства и эмоции в пространстве каторжной тюрьмы формировали образ особого эмоционального режима. Эмоции, которые испытывали революционеры, не только экстраполировались на всю революционную среду, но и сами становились объектом репрессий со стороны власти. В этом контексте индивидуальные насильственные действия полиции и жандармерии представлялись как надругательство над коллективным переживанием. Такое отношение к происходящему формировалось не только в пространстве каторжных тюрем, оно затрагивало все нелегальное революционное поле.

Репрессии в отношении революционеров в каторжных тюрьмах хотя и наносили вред, но одновременно с этим укрепляли и подпитывали «революционный» эмоциональный режим повсеместно во всей пенитенциарной системе империи. Формировалась новая эмоциональная система, включавшая и объединявшая все большее число политических арестантов, создававшая атмосферу товарищества и братства. Рождалось новое органическое чувство единства коллективных эмоций, которые связывали революционеров в общее, понятное только для них эмоциональное пространство. Универсальность революционных эмоций в каторжной среде позволила появиться особой системе «свой – чужой», или «эмоциональному шифру» – совокупности эмоций и чувств, доступных для «правильной» рефлексии и переживания только членам революционного сообщества. В этом контексте каторжные тюрьмы выступали как своеобразные «лаборатории эмоций», в стенах которых происходила трансформация переживания классических эмоциональных реакций (прежде всего страха) и формирование устойчивой коллективной эмоциональной среды.

Если в общественной мысли образам будущего соответствовали чувства разочарованности и страха, то в среде революционеров будущее однозначно воспринималось в контексте положительных чувств и эмоций. «Нужно жить, умереть мы еще успеем, надо еще пожить», – с оптимизмом пишет один из политических заключенных в письме к соседу по тюремному блоку [ГАСО. Ф. 404. Оп. 1. Д. 631. Л. 47]. Другой заключенный, отговаривая товарища от совершения покушения на тюремного надзирателя, пишет:

...Не отдавай своей жизни палачу... нам предстоит многое впереди, вникни во все то, что нас окружает, и ты увидишь, как ничтожны наши страдания в сравнении с страданием всего народа [Там же. Л. 51].

Эти строки дают возможность понять, что для революционеров в каторжной тюрьме положительным выступал именно образ будущего, в котором настанет конец как их незначительным индивидуальным страданиям, так и страданиям всего общества в целом. Дзержинский описывает свои переживания через чувство гордости:

...Я вижу огромные массы, уже приведенные в движение, расшатывающие старый строй... я горд тем, что я с ними, что я их вижу, чувствую, понимаю и что я сам многое выстрадал вместе с ними [Дзержинский, с. 177].

Существует мнение, что большевики в своей победе воспользовались самыми сильными средствами того времени – разрушительными инстинктами и утопическими вождельными вооруженных толп [Будлаков]. Выявление эмоционального режима каторжных тюрем дает возможность понять, что основными инструментами радикальных революционеров выступали эмпатия, развитый эмоциональный интеллект и способность точно фиксировать эмоции своего окружения. Имперская пенитенциарная система каторжных тюрем, ставившая своей целью изоляцию революционного движения, фактически сработала как школа по подготовке революционеров, способных к чуткому реагированию на динамику общественных эмоций. Именно крайние революционные силы в нужный момент могли точно почувствовать, какие эмоции и чувства доминируют в общественном сознании, а универсальность и коллективный характер революционного эмоционального поля могли предложить обществу альтернативу той меланхолии, которая властвовала в общественном и сознании как народа, так и политических элит в последние годы существования империи.

Библиографические ссылки

- Акбердеева Д. И.* Повседневная жизнь политических заключенных Тобольской губернии в начале XX в. // *Genesis* : ист. исслед. 2019. № 10. С. 61–76. DOI 10.25136/2409-868X.2019.10.30752.
- Будлаков В. П.* Революция, эмоции, политики: к переосмыслению событий 1914–1917 гг. // *Политическая концептология*. 2017. № 2. С. 147–180.
- ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). Оп. 265. Д. 169, 185, 988, 993, 1025.
- ГАСО. Ф. 404 (Смоленское арестантское исправительное отделение с временной каторжной тюрьмой). Оп. 1. Д. 631.
- Дзержинский Ф. Э.* Избранные произведения : в 2 т. М. : Изд-во полит. лит., 1967. Т. 1. 1897–1923 гг. 564 с.
- Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / под ред. А. И. Миллера и К. А. Соловьева. М. : Квадрига, 2021. 788 с.
- Сафронова Ю. А.* Смерть государя. 1 марта 1881 года: эмоциональный срез // *Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций* / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М. : Новое лит. обозрение, 2010. С. 166–184.
- Сахалинская каторга (вторая половина XIX – начало XX в.) : Документы и материалы : в 2 т. / сост. М. В. Гридяева, Л. В. Драгунова, Н. А. Троицкая, Ким Чан Ок. Южно-Сахалинск : Сахалин. обл. тип., 2015. Т. 1. 433 с.
- Экман П.* Психология эмоций: я знаю, что ты чувствуешь / пер. с англ. В. Кузина. М. : Питер, 2013. 333 с.
- Stainberg M.* Melancholy and Modernity: Emotions and Social Life in Russia between the Revolutions // *J. of Social History*. 2008. Vol. 41, № 4. P. 813–841. DOI 10.1353/jsh.0.0001.

References

Akberdeeva, D. I. (2019). Povsednevnyaya zhizn' politicheskikh zaklyuchennykh Tobol'skoi gubernii v nachale XX v. [Daily Life of Political Prisoners in Tobolsk Province in the Early 20th Century]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. No. 10, pp. 61–76. DOI 10.25136/2409-868X.2019.10.30752.

Budlakov, V. P. (2017). Revolyutsiya, emotsii, politiki: k pereosmysleniyu sobytii 1914–1917 gg. [Revolution, Emotions, Politics: To Rethink the Events of 1914–1917]. In *Politicheskaya kontseptologiya*. No. 2, pp. 147–180.

Dzerzhinsky, F. E. (1967). *Izbrannye proizvedeniya v 2 t.* [Selected Works. 2 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 1. 1897–1923 gg. 564 p.

Ekman, P. (2013). *Psikhologiya emotsii: ya znayu, chto ty chuvstvuesh'* [The Psychology of Emotions: I Know How You Feel] / transl. by V. Kuzin. Moscow, Piter. 333 p.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 102 (Departament politicii Ministerstva vnutrennikh del). List 265. Dos. 169, 185, 988, 993, 1025.

GASO [State Archive of Smolensk Region]. Stock 404 (Smolenskoe arestantskoe ispravitel'noe otdelenie s vremennoi katorzhnoi tyur'moi). List 1. Dos. 631.

Gridyaeva, M. V., Dragunova, L. V., Troitskaya, N. A., Kim Chan Ok. (Eds.). (2015). *Sakhalinskaya katorga (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Dokumenty i materialy v 2 t.* [Sakhalin Penal Servitude (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries). Documents and Materials. 2 Vols.]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskaya oblastnaya tipografiya. Vol. 1. 433 p.

Miller, A. I., Solov'ev, K. A. (2021). *Rossiiskaya imperiya mezhdu reformami i revolyutsiyami, 1906–1916* [Russian Empire between Reforms and Revolutions, 1906–1916]. Moscow, Kvadriga. 788 p.

Safronova, Yu. A. (2010). Smert' gosudarya. 1 marta 1881 goda: emotsional'nyi srez [Death of the Sovereign. March 1, 1881: Emotional Aspect]. In Plamper, Y., Shakhadat, S., Eli, M. (Eds.). *Rossiiskaya imperiya chuvstv: podkhody k kul'turnoi istorii emotsii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 166–184.

Steinberg, M. (2008). Melancholy and Modernity: Emotions and Social Life in Russia between the Revolutions. In *J. of Social History*. Vol. 41. No. 4, pp. 813–841. DOI 10.1353/jsh.0.0001.

The article was submitted on 06.10.2022